

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

САМАЯ ОРИГИНАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена анализу языка «Повести о Фроле Скобееве». Охарактеризована речевая основа повести, выяснен профессиональный статус автора произведения. Доказывается, что повесть создана как устное повествование, изложенное средствами просторечия, что соответствует культурно-историческому вектору эпохи. Просторечие в начале XVIII века выступает как функциональная разновидность русского национального языка.

История русского языка, функциональная разновидность языка, просторечие, художественная речь, речевой образ автора.

Введение

Самый оригинальный памятник русской словесности начала XVIII века – «Повесть о Фроле Скобееве» (далее – Повесть). Повесть – историческое бытовое повествование, первая русская плутовская новелла. Она была обнаружена в 1852 г. в сборнике XVIII в. из архива М.П. Погодина. Это анонимное произведение, к тому же нет данных о дате его создания, хотя известны девять ее списков. Комплексного исследования языка Повести ранее не проводилось.

Итоги литературоведческого анализа Повести обобщались неоднократно: [1; 6; 7; 16; 17]. В работах А.М. Панченко даны определения жанра этого произведения, проанализированы композиция и система образов. В монографиях Е.В. Душечкиной рассмотрены исторический и литературный контексты, в которые вписывается Повесть, анализируется ее связь с традицией русского лубка и святочной игры.

Современные методики сравнительно-сопоставительного и структурно-семантического анализа позволяют выяснить происхождение Повести и – одновременно – уточнить статус просторечия для того времени, определить его роль в создании литературных произведений. Наша статья посвящена языковым особенностям «Повести о Фроле Скобееве» и в связи с этим проблеме просторечия в национальном русском языке начала XVIII века.

Основная часть

Для анализа текста мы использовали Погодинский список (ГПБ, собр. Погодина, №1617, л. 59–71), подготовленный к изданию В.П. Бударагиным [6], страницы указываются по данному изданию в круглых скобках, цитаты выделяются курсивом, а значащие слова и обороты – жирным курсивом. Дополнительно привлекается еще одна публикация: [19]. Кстати, в списке Погодина, а также в Тихонравовском непосредственно в названии указано и авторское определение жанра произведения, и некоторые биографические данные Фрола Скобеева: «**История** о российском новгородском дворянине Фроле Скобее-

ве, столничей дочери Нардина-Нащекина Аннушки» (с. 55). Ср. еще: *Гистория о росъсийскомъ дворянине Фроле Скобрахове* [19, с. 264].

По сложившейся традиции в произведениях древнерусской литературы во вступлении обозначалась стилистическая установка автора. Лишь у Аввакума это сделано по-другому: в концовке цикла сочинений Аввакума и Епифания есть обращение Аввакума к «чтущим и слышащим»: *...что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащи, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обыкъ речи красить, понеже не словесъ красныхъ богъ слушаетъ, но дель нашихъ хоцетъ* [15, с. 454].

В «Повести о Фроле Скобееве» роль стилистической установки выполняет оригинальное начало, похожее на представление героев произведения. Это образец, которому автор намерен подражать в ходе повествования: *В Новгородском уезде имелся дворянинъ Фроль Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащюкина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородскихъ вотчинахъ* (с. 55). Строго, лаконично, никаких красот, как реестр делового документа. Троекратно повторенный глагол *иметься*, причем равно применимый как к людям (*Фроль Скобеевъ, Аннушка*), так и к имуществу (*вотчины*), вносит юмористическую ноту в содержание текста. Обыгрывается двузначность глагола *иметься*: «находиться, жить» и «быть в наличии», причем второе значение для повествователя и, вероятно, для Фрола явно важнее первого. *Фроль, вотчины, Аннушка* (именно в указанном порядке) – достаточно для развития интриги. Фроль – главный субъект действия, для Фрола обладание вотчинами важнее Аннушки, но без завоевания Аннушки не овладеть вотчинами, поэтому Аннушка и *имеется*, но главное – *живет в вотчинах*.

Отметим скупость и сухость описания, полное отсутствие в этом фрагменте каких-либо образных средств, а в дальнейшем мы не увидим описания внешности или оценки личности Аннушки, это касается и других героев. Лишь Фроль Скобеев оценивается другими персонажами Повести. Изложение фактов,

равнение на «просторечие», на неукрашенную речь, непринужденное повествование с помощью средств разговорной речи и делового языка совпадает с речевым портретом главного героя.

Фрол Скобеев выполняет функции поверенного («ябедника»), то есть ведет дела своих доверителей: представляет их интересы в приказах, пишет для них челобитные, крепости, выписки из писцовых и хозяйственных книг.

Фрол Скобеев – «небогатый» дворянин Новгородского уезда. О каком Новгороде речь: Великом или Нижнем? Поскольку у стольника Нардина-Нащокина была еще вотчина в Синбирском уезде, которую позже он передаст Фролу (с. 64), можно думать, что речь идет о Нижнем Новгороде, то есть вотчины располагались в Поволжье. Весь «капитал» Фрола – его московские связи (...*ево многия знатныя персоны знали; весьма к нему добрь стольник Ловчиков* (с. 59); *И все стольники Фрола Скобеева знают* (с. 61)), а также его искусство поверенного: *великой ябиды, ходотайствует за приказными делами...* (с. 59).

Далее оказывается, что *проведав Фроль Скобеевъ о той стольничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видеть ее* (с. 55). Имели «жительство» они в близости друг от друга. Возможно, Аннушка и сестра Фрола были знакомы, поэтому сестра Фрола и была приглашена к Аннушке на святочные празднества, чем и воспользовался Фрол, нарядившись в «девичей убор».

В двух сохранившихся списках памятника анализируемое произведение названо историей: *история/история*. Заканчивается произведение также словом *история*: *Сей истории конецъ*, что напоминает известную концовку сказки: *Тут и сказке конец. А кто слушал – молодец*. Судя по названию, для автора это историческое повествование, действие в котором перенесено в сравнительно недавнее прошлое, где живут стольники, которые на Ивановской площади московского Кремля обсуждают последние новости, где молодежь любит святочные гуляния, а Фрол посещает новомодные банкеты.

Элементы фольклора в этой бытовой истории незначительны. Чудес в ней нет и не ожидается. Аннушка и богатства ее отца достаются Фролу за счет собственного плутовства: *И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве* (с. 64). В сказке обычно утверждается, что *молодец стал жить-поживать да добра наживать*. Как видим, сказочного молодца Фрол уже превзошел: добра ему не надо наживать, потому что вотчину ему подарил тесть, а через короткое время ему достается и все движимое и недвижимое имение тестя – стольника Нардина-Нащокина. Но это не из фольклорного сюжета, а из плутовского сочинения. Анализируемая Повесть – «первая русская плутовская новелла», как заметил А.М. Панченко [16, с. 210].

Теперь вспомним декларацию Фрола в разговоре с сестрой, именно эта фраза часто цитируется в исследованиях в подтверждение использования фольклорных элементов в Повести: *Хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник* (с. 58). Вообще-то переключка со

сказкой тут только в рифмовке, но мечта о полковнике – это тема солдатского фольклора. Не служил ли автор Повести в петровском войске?

Есть еще схожее со сказочной (или библейской) фразеологией выражение в тексте, например: *И стольник <...> горко плакаль, что безвестно пропала дочь ево* (с. 60). *Горко плакать* – оборот со значением «расплакаться, рыдать» [25, вып. 4, с. 204]. Вспомним в Евангелии от Матфея: *Петр, исшед вон, плакася горько* (XXV1, 75).

Элементов фольклоризма и связей текста с традицией скороморошества могло бы быть и больше. Обратим внимание на список Тихонравова, в котором Фрол носит фамилию Скобрахов: *Гистория о росъсийскомъ дворянине Фроле Скобрахове* [19, с. 264]. *Скобрахов* – это переделанное на церковнославянский лад именованье *Скоморохов*, что акцентирует комическую и святочную сторону описываемых в Повести событий: переодевания, плутовство и обманы. Почему комическое *Скобрахов* заменено на нейтральное *Скобеев* (от *скоба*), почему автор-рассказчик воздержался от использования говорящей фамилии? *Скобрахов* вряд ли был бы дворянином, даже захудалым, или поверенным в имущественных спорах. Стольник *Нардин Цаплин*, как значится в Тихонравовском списке, – тоже слишком «обвинительная» для стольника фамилия, поэтому она заменена на фамилию Нардин-Нащокин. Кроме того, выбор фамилии, связанной со скобяным производством и торговлей скобяными товарами [24, вып. 24, с. 216], как-то объясняет ситуацию с «захудалым» статусом Скобеевых.

По поводу времени создания филологи колеблются между концом XVII и началом XVIII века [16, с. 11]. Мы должны различать датировку создания повести и время описываемого события. История даты «1680 год» следующая: на двух списках (Ундольского и Титовском) поставлена надпись: «1680 году на светъ произведена» [19, с. 264], но это вряд ли может относиться к дате создания текста. Ведь до 1700 года счет дат велся от сотворения мира, а это 7188, а не 1680, поэтому и рассматриваемую надпись следует считать более поздней записью переписчиков или исследователей, уточнявших время описываемых событий.

Нам представляются наиболее убедительными для датировки «Повести о Фроле Скобееве» не исторические, а языковые (лексические и грамматические) показания. Обычно обсуждаются иноязычные заимствования, элементы делового языка, иногда славянизмы. Мы к этому добавим лексические новообразования исконного происхождения и новые модели словосочетаний.

Иноязычные заимствования в тексте повести многочисленны, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, события в повести относятся к восьмидесятым годам XVII века, а приток заимствований приходится на первое-третье десятилетие XVIII века. Во-вторых, жанр бытовой повести не предусматривает обсуждения табели о рангах, экономических и военных реформ Петра. Из иноязычных лексем *полк* упоминается уже в «Слове о полку Игореве», а *полковник* – в «Повести о Мамаевом побои-

ще». Персона известна уже в XVII веке, но в значении «персона, особа, личность» зафиксирована впервые именно в Повести; ср.: [24, вып. 14, с. 310]. Назовем также *корета, кучер, публика, публикация, реэстръ, банкет*, фразеологизм *лакейское платье*. Особого внимания заслуживает слово *квартира* (10 употреблений), причем в значении «нанятое помещение для жилья военных лиц, съемное жилье» [24, вып. 7, с. 103].

Общее количество употребленных заимствований невелико, а некоторые появились гораздо раньше XVII века. См. более подробный анализ в нашей статье [28]. Предположение А.М. Панченко о том, что в Повести «часто и привычно употребляются заимствования из западноевропейских чзыков» [16, с. 209] больше подтвердит нечем, да и из названных частотных лишь слово *квартира*.

Обратим также внимание на новообразования синтаксического характера. Среди датирующих средств языка отметим русские предложно-именные сочетания типа *на Москве, на Москву, с Москвы, к Москве*. Длительное время эти названия сохраняли связь с теми же предлогами, что и название реки: *на реке Москве – на Москве, с Москвы, к Москве; на реке Вологде – на Вологде, с Вологды, к Вологде*. Современные формы этих сочетаний (*в Москве, в Москву, из Москвы*) устанавливаются окончательно в двадцатые – тридцатые годы XVIII века, хотя в художественных текстах сохранялись и старые конструкции: *На небе много звезд прелестных, Красавиц много на Москве* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

В XVIII в. устанавливается следующая хронология употребления форм: 1) первые два десятилетия – частота употребления старых и новых форм выравнивается, при этом они могут употребляться в одном документе, написанном одним лицом: *торговые люди платили пошлины на Москве и в Сибири; в Москве и в городах с тех своих товаров паки многую пошлину платили; Амуниции за неприсылкою из Москвы на все полки не дано... амуниции с Москвы не прислано* [20, с. 62]; 2) третье десятилетие – преобладают новые формы. Так, в опубликованных грамотках XVII–XVIII вв. (всего в книге 528 грамоток) форма *в Москве* встретилась только в одном документе, относящемся к тридцатым годам XVIII вв. [5, с. 62].

В «Повести о Фроле Скобееве» зафиксированы исключительно новые конструкции: *в Москве – 1, в Москву – 6, из Москвы – 2: поехала в Москву; отправляются в Москву; приехал в Москву; пишет из Москвы; пришлет по тебя из Москвы сестра корету* (с. 58). Судя по рассмотренной синтаксической особенности, «Повесть о Фроле Скобееве» написана не раньше третьего десятилетия XVIII века.

Скажем кратко о книжно-письменных элементах в языке Повести. С родом занятий главного героя, а может быть, и с профессией автора связаны слова *ябеда, ябедник, ябедничать*, где *ябеда* к XVI веку приобретает начение «клеветник» [25, вып. 3, с. 1631]. Феофан Прокопович в одном из своих «учительных» сочинений объяснял, откуда берутся злые люди: *Не имущи бо стыда Божия, за лишением доброго воспитания, когда читать и писать научилися, глухое тое искусство обращают себе на орудие злобы и пишут*

клеветы, ябеды, соблазны, хулы, паишквили... [34, с. 3]. Тредиаковский в 1735 г. так образно характеризует это слово: *Сие сочетание стихов... древнему нашему, но весьма основательно употреблению так противно, как огонь воде, а ябеда правде* [31, с. 23]. Напомним и сатирическую комедию В.В. Капниста «Ябеда» (1798), переделанную из более ранней комедии «Ябедник» (1793). Ср. словарные данные «Ябеда, употребительнее во множ: Ябеды. 1) Привязка, придирка, прицепка по тяжёбным делам; крючки приказные; 2) Иногда берется за клеветы, наговоры для присвоения себе чужаго. Ябедникъ, Ябедница. 1) Крючоктворец, сутяга; тот, кто ябедничеством, крючоктворством по тяжёбным делам промышляет; которой ищет чужое отнять, присвоить наклоением, натяжкою, кривым толком. Ябедник – сущая язва в обществе. 2) Клеветник, наговорщик, тот, кто ложными словами обносит другаго» [22, ч. VI, с. 1018–1019]. Фразеологизм *ходить за ябедою* был синонимичен более употребительному *ходить за приказным деламъ* и сравнительно редкому *ходатайствовать за приказными делами*: (Фрол): *Ходить за приказным деламъ. – (Стольник): Перестань, плут, ходить за ябедою!* (с. 64); *Дворянин небогатой, толко великой ябида, ходатайствует за приказными делами* (с. 59). В этот же круг входит и фразеологизм *наябедничать себе* «запутаться в ябедах, в крючоктворчестве» [24, вып. 10, с. 324]: *Знатно, что наябедничал себе несносно* (с. 61). Употребляется в тексте и оборот *ходить поверенным з делами: ...имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами* (с. 58). Все эти обороты не имеют отрицательной коннотации.

Приказной терминологии противопоставлен просторечный жаргон, развившийся на основе языка московских приказов. Образцом другого пути в жизни является разговорное выражение *жить постоянно*, что, судя по тексту, означает «иметь постоянное дело или постоянный достаток, жить по совести, заниматься честным трудом». См. пример: *И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно, отстань за ябидою ходить, живи в отчине своей»* (с. 60); *И имения имеется, вотчина... которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно!* (с. 64). Словарь предлагает толкование: «жить порядочно, честно, как принято в порядочном обществе» [24, вып. 17, с. 250]. Стольник Нардин-Нащокин предлагает Фролу *справить вотчину за себя* «утвердить документально законное право на что-л.» (Там же, вып. 27, с. 83), этот разговорный фразеологизм появился также в приказной среде.

Оригинально используются в тексте славянизмы, о чем мы писали ранее [29]. В нашем памятнике славянизмы составляют незначительную группу, что объясняется несколькими причинами: 1) «славенский слог» переживал ренессанс в послепетровское время, особенно в 40–50-е годы, что зафиксировано исследователями: [13; 26–28]. Герои Повести были далеки от мыслей о «царствии небесном», поэтому основа повествования, особенно диалоги – это разговорная речь. Употребление славянизмов характерно для речи Фрола и стольника Ловчикова. Славянизмы – средство некоторого возвышения слога, что характерно

для официального общения: *предстатель* «заступник», *предстательствовать* «быть заступником», *ответствовать* «ответить, отвечать». По той же модели на *-ова-* создан и глагол *здравствовать* «быть здоровым». С неполногласием употребляются в речи Фрола однокоренные прилагательные и существительные: *здрава!* (с. 62), *здравье!* (с. 63). Со значением «прощать» употребляются обороты *отпускать вину*, *отпущение вины*, *отпустить виновного* и глагол *отпустить*. Наблюдаем в тексте слова и обороты, созданные по модели книжного характера или подвергнутые частичной переработке: *отдание*, *благодарение*, *преслушаться*, *преносити*, см. их анализ в нашей работе: [29]. Оборот *пренося пред ним благодарение* (с. 64) содержит три славянизма: *пренося*, *пред*, *благодарение*, является окказионализмом, попыткой подражания церковнославянскому, в словарях не зафиксирован. Иногда автор Повести употребляет славянизмы при описании бытовых или деловых ситуаций: *возьмелъ пред вами дерзновение* (с. 61), где контекст содержит архаизмы и славянизмы: *яко*, *раб*, *возьмелъ*, *дерзновение*, *пред*. Оборот *возьметъ любовь // возьметъ лобление* имеет значение «вступить в любовные отношения». Под влиянием этих оборотов появляется *взять себе намерение* «решить» как искажение литературных оборотов *взять в ум*, *взять на ум/на разум*.

Значительная часть фразеологизмов – это результат трансформации оборотов делового языка в устной разговорной речи, например: *стараться о тебе*, *просить на тебя* и *просить о твоей ко мне обиде*, что близко к традиционному обороту *бить челом на тебя о причиненной мне обиде*. См. близкий по форме и по стилистике фразеологизм *моей заслуги к вам* (с. 55) вместо *заслуги перед вами*.

Далее определим роль разговорной речи («просторечия») в анализируемом тексте, именно это и составляет главную особенность языка Повести о Фроле Скобееве. В то время разговорная речь мало зависела от влияния литературной нормы, но общерусская основа разговорной речи, которую мы называем просторечием, уже составляла заметную по объему, по разнообразию языковых средств и по функциям разновидность общенародного языка.

И.Е. Забелин – первый исследователь повести – предположил, что это произведение «первоначально ходило в форме устного рассказа и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени» [8, с. 107–108]. Эту идею поддержал и А.Н. Пыпин [21, с. 284].

Мы считаем, что речевая основа «Повести о Фроле Скобееве» – общерусская живая разговорная речь, то есть просторечные формы, слова и обороты. До сих пор еще никто не обнаружил диалектизмов в тексте повести, поскольку там их и нет. Такие тексты дают основание утверждать, что уже с первых десятилетий XVIII века просторечие функционирует как общерусский устный феномен наряду с общерусским письменным литературным языком.

Исследователи, ориентируясь на показания Словаря Академии Российской и на литературные тексты последних десятилетий века, иногда утверждают, что

просторечие формируется во второй половине XVIII века. При этом просторечие характеризуется чаще не как разновидность, подсистема национального языка, а как стилистический слой лексики и фразеологии [2; 10; 26]. Вопрос о более раннем, в конце XVI–XVII вв., формировании лексики просторечного характера недавно поставлен Е.В. Генераловой. Для нее просторечная лексика – это набор стилистически окрашенных языковых средств, что является основой будущего просторечия как функциональной подсистемы [3].

Итак, текст «Повести о Фроле Скобееве» первоначально сочинен в устной форме, в этой форме и существовал некоторое время, а затем был записан или переписан несколько раз, вероятно, разными лицами и в разное время. Считаем, что устный характер создания и бытования какое-то время в устной форме и определил просторечный характер языка Повести о Фроле Скобееве.

Остановимся на отдельных лексико-фразеологических группах просторечного словаря.

Повесть дает представление о формирующихся нормах **устного** (sik!) речевого этикета начального периода национального литературного языка.

Во-первых, это формулы официально-почтительного обращения: *И та мамка сказала ему: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоеи»* (с. 55). *Господин Скобеевъ* – это укрепляющаяся форма почтительного обращения к лицу, при этом называется фамилия, звание, чин, сословие [25, вып. 5, с. 190].

Во-вторых, используются стандартные обращения к просителю: *Каку нужду имеешь ко мне? что твоя нужда к нам?* (с. 62).

В-третьих, воспроизводится формула приглашения, согласия и благодарности за приглашение. *И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать* (с. 63). Заметим, что существовали различные речевые средства выражения просьбы-приглашения: *просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке; по тому ея прошению все обещались быть* (с. 55); *попросила сестру ево, чтобы она пожаловала в дом* (с. 56); *Донеси батюшку, готовь быть сей день къ их милости!* (с. 61). Это вежливая заключительная формула в письме и форма выражения согласия в разговоре [10, вып. 25, с. 202].

В-четвертых, приветствие часто сопровождается пожеланием здоровья и вопросом о самочувствии собеседника: *Как здрава? Какое здравье? Желая здравствовать!*

В первой части повести речь идет о святочных играх молодежи, поэтому в описании используются лексические средства функционально-семантического поля «игры и развлечения», например, отвлеченное существительное *веселость* «развлечение, увеселение, состояние радости, удовольствия» и его однокоренные *увеселительный*, *веселиться*: *И в то время увеселительных вечеров, которые бывають в веселости девичеству, называемья по их девичеству званию святки* (с. 55). То, что святки названы *увеселительным вечером*, – нонсенс, сближающий празднества религиозного характера со светскими вечеринками.

См. примеры: ...*тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку* (с. 55). В соответствующей словарной статье приведена одна эта иллюстрация [24, вып. 2, с. 129]. Как отмечал современник, слово появилось на вечерних празднествах у царя Петра [4].

В описании святочного вечера встретилось словосочетание *мужественной человек* в значении «мужчина». Слово *мужчина* в речи начала XVIII века – книжное, редкое. Кроме того, *мужчина* звучало бы в ситуации девишника слишком прямолинейно и резко, что и объясняет Аннушка: *Что ты надо мною сделала? Эта не девица со мною была, он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев* (с. 57).

Автор использует разнообразную именную лексику, причем в оригинальных сочетаниях, характерных для разговорной речи, например *сделать притчину*, где *притчина* имеет значение «решение, выход»: *И весьма Скобееву удивлялись, что онъ сделалъ такую притчину так смело* (с. 63). Данное значение зафиксировано словарем: [24, вып. 20, с. 61]. См. также существительные *почив* «сон, отдых», *сожительница* «жена», прилагательное *особливый* «особый». Словом *безделица* (с. 57) нянька Аннушки называет учиненный Фролом обман и поругание, за что предлагает его *скрыть в смертное место* (с. 57). *Безделица* – это «недозволенные поступки» [23, вып. 1, с. 108] или «негодное, скверное дело» [25, вып. 1, с. 168]. *Смертное место* – «место убийства» [24, вып. 25, с. 171].

Наиболее многочисленны в тексте просторечные глаголы: *воротить* «вернуть», *пообождати* «подождать»; *разговаривать* «отговаривать», *притворить себя* «притвориться», *спознаться* «познакомиться, сойтись с кем-л.»; *уходить* «убить», *просоветовать обще* «посоветоваться»; *признать* «узнать»; *проведать* «узнать, навестить», *промотать* «израсходовать зря, неразумно».

Представлена в Повести лексика сферы «мыслительная деятельность»: *И умыслил Фроль Скобеев, чтоб итить к столнику Ловчикову* (с. 60); *И пришло в память Фролу Скобееву, что весьма к нему добрь столник Ловчиков* (с. 59). Фразеологизм *пришло в память* «вспомнилось» не учтен словарями.

В композиции Повести исследователи выделяют две части: 1) святки, здесь много событий, интрига развивается стремительно; 2) переживания героев, здесь автор употребляет лексику и фразеологию функционально-семантической сферы «душевные переживания», что было новым в поэтике художественного текста.

Часто употребляемое слово *сожалеть* имело оригинальное управление *глагол + род. п.*: *Весьма в печали великой пребывала, сожселея брата своего* (с. 57); *сожселея дочери своей* (с. 62). Вместе с тем, отмечена и современная модель *сожалеть о чем*, см.: *весьма сожселея о дочери своей* (с. 62, 63). Эта лексема в словаре [24] не зафиксирована.

Слово *соболезновать* в Повести употребляется в конструкции *соболезновать о чем-либо* со значением «жалеть кого-л., переживать»: *И столникъ з женою своею соболезовали о ней* (с. 62). Как видим, автор старается выравнять управление в двух семантически

близких предложно-именных конструкциях: *сожалеть о ком – соболезовать о ком*. Глаголы *сожалеть* и *соболезновать* с начальной приставкой *со-* носят черты старославянского влияния и свидетельствуют о стремлении автора соблюдать традиции книжного языка. Вместе с этим тип моделей управления – свидетельство равнения автора на разговорный узус своего времени.

Описание переживаний родителей за судьбу Аннушки обусловило широкое употребление эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии. К ним относятся обороты *обратиться сердцем*, *отпустить вину*. Первый имеет в тексте значение «сменить гнев на милость, поддаться родительскому чувству»: *И уже чрезъ долгое время обратились сердцем и соболезовали о дочери своей; Стали ея бранить, наказывать гневом своим родителским* (с. 63). Подобное употребление следует квалифицировать как окказиональное, потому что традиция знала одно употребление: *оставить дела мирские и обратиться сердцем к Господу*. Синонимичный оборот *сердце умилостивитца к ним* (с. 62) является показателем развитости в разговорном языке средств для выражения душевных переживаний.

Следующие обороты имеют в структуре глагол *стать*, например: *И Аннушка стала в великом страхе* (с. 56). *Стать в великом страхе* «сильно испугаться, пребывать в страхе» [24, вып. 28, с. 4]. Близка к рассмотренной конструкция *стала в радости великой* (с. 58). Фразеологизм *стать в радости великой* «обрадоваться сильно» является фактом устной речи, поэтому в словарях не зафиксирован. См. следующее: *Фрол Скобеев... стал в великом сумнени, не ведает, что делать* (с. 58); *Аннушка стала быть в лице переменна* (с. 57). Последний фразеологизм не зафиксирован словарями:

Отмечено разговорное *стать в беспамятстве* вместо книжного *впасть в беспамятство* или разговорного *опаматоваться*: (Нащокинъ) *стал в беспамятстве. И мало опаматовался и стал ему говорить* (с. 61). *Стать в беспамятстве* – «впасть в бесчувствие, в обморочное состояние» [24, вып. 1, с. 157], *опаматоваться* «придти в себя» (Там же, вып. 12, с. 381), Между тем было и нейтрально-литературное «образумиться, собраться с мыслями!» (Там же, вып. 17, с. 7), которое не использует автор Повести.

Слово *бесчастна* – прилагательное со значением «лишенный счастья, несчастный», фиксируется в языке с конца XVII в. [23, вып. 1, с. 152; 10, вып. 25, с. 175]. *Я бесчастна моим прошением к тебе* (с. 59). Нетрадиционная сочетаемость этого слова учтена издателем, см. толкование: «обижена невниманием».

Оценим и просторечные наречия: *знатно* «видно, понятно» [24, вып. 6, с. 51]; *наутре* «на утро следующего дня» (Там же, вып. 10, с. 294). См. примеры: *И наутре столникъ Нащокинъ поехал к государю* (с. 60); *Полно, братецъ, издивается! знатно, что ты не изволишь верить* (с. 59–60). Любопытна история разговорного наречия *сносно* «подходяще, приемлемо»: *Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся! Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе* (с. 61). В словаре имеется только прилагательное *сносный* с другим

значением [24, вып. 25, с. 270]. Впервые в письменности слово *сносно* 'в меру, без превышения принятых норм' обнаружено в резолюции Петра I от 1702 г.: *Князь Иванъ Лвовъ старъ, и въ конецъ бедень и не-сносно ему полкомъ править* [18, т. 8, с. 24].

Иногда во фразе может сразу употребляться несколько таких слов и выражений: *Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе* (с. 61). *Старатся о тебе* имеет значение «помогать, заботиться, выручать». Ср. следующий фрагмент: *И вторително пришесть к нему столникъ Ловчиков и стал ево разговаривать чтоб онъ вскоре не возымел доклады к государю: «Изволишь съездить домой и объявить о сем сожителнице своей и просоветуй обще! Какъ к лутчему уже быть»* (с. 61). Наречие *вторително* «вторично, повторно, второй раз» – зафиксировано только в [24], с цитатой из Повести о Фроле Скобееве. В словаре есть однокоренные *вторителный, вторить, вториться, вторицею, вторичный* [25, вып. 4, с. 178]. Глагол *просоветовать* имеет значение «отговорить». оборот *посоветовать обще* «совместно обудить, посоветоваться» в словарях не зафиксирован. *Как к лутчему уже быть*, исходя из контекста, можно толковать «как сделать, чтобы было лучше; как обеспечить благополучный исход дела». Эти факты – свидетельство знания автором выразительных средств живого языка, которые необходимы в бытовом повествовании.

Обратим внимание на разговорную фразеологию с временным значением, например: *Сказал ему, чтоб завтращней день пришел в Успенской собор* (с. 61). Словосочетание *завтрашний день* в словаре [24] не зафиксировано, возможно, в письменности не употреблялось. Фразеологизм *долгое время ночи* (с. 57) в значении «долго ночью» основан на семантике прилагательного *долгий* в значении «продолжительный, протяженный по времени» [23, вып. 5, с. 274–275]. *И на те их разговоры пришесть Фрол Скобеевъ* (с. 61). *Прийти на разговоры* имеет в контексте значение «приходить во время разговоров с целью присоединиться, приобщиться к чему-л.», носит разговорный характер. оборот *столник летами древень* (с. 61) со значением «значительного возраста» именно в этой цитате зафиксирован в словаре (Там же, вып. 6, с. 37). Многозначно наречие *вдаль* в речи Скобеева: *Ныне еще богатства не вижу, что вдаль – время окажет* (с. 60). Это слово имеет значение «в дальнейшем, в будущем» и фиксируется с конца XVII в. (Там же, вып. 2, с. 37).

Текст произведения изобилует разговорной фразеологией, причем в оригинальных сочетаниях, где фиксируется нестандартная сочетаемость. Так, оборот *притворить себя* «притвориться» используется в контексте, где есть разговорные *лечи* (вместо *лечь*), *на постелю* (вместо *на постель, в постель*), архаично-книжное *якобы: Велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна* (с. 62), ср. в других списках: *притворитца*. В словаре оборот *притворить себя* иллюстрируется именно этой цитатой [24, вып. 20, с. 61].

Несколько оборотов из арсенала разговорной фразеологии обнаруживаем в следующем фрагменте: *Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево* («и ты не жди хороше-

го». – Г. С.): *Мне уже пришло* («я уже решил; мне уже пришло на ум». – Г. С.) *показать на тебя, для того что ты возникнов и корету довал* (с. 60–61).

Фразеологизм *милость казать* имеет значение «проявлять, демонстрировать милость-милосердие»: *Не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь* (с. 55). В словарях оборот не зафиксирован.

Лаконичное выражение смысла наблюдаем в других фразеологизмах разговорного характера: *И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие не во что!»* (с. 55). *То мне сие не во что!* значит «то мне ничего не стоит; то мне недорого стоит». К фразеологии устной речи отнесем оборот *пал пред ногами: Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки* (с. 56); *Пал предъ ногами Скобеев столнику Нардину-Нацокину* (с. 61). *Пал пред ногами* – то же, что «пасть в ноги»; в переносном смысле это значит «проявить покорность, выражая покорность, мольбу, почтительность» [24, вып. 14, с. 163].

Три тематически близких оборота касаются обычаев, связанных с лишением невинности и избежанием позора: *ростлить девство, обнести другим, иметь обязательную любовь*. См. примеры: *И Фрол Скобеев не взирая ни какой себе страх и ростлил ея девство* (с. 56). *Ростлить девство* – «лишить невинности, девственности» (Там же, вып. 22, с. 92; ср.: Там же, вып. 4, с. 199). Словарь не рассматривает словосочетание как фразеологическое, но у глагола *растлевать* указывает специальное значение.

Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онъ не обнесъ ея другим (с. 57). Ср. показание словарей по поводу выражения *обнести ее другим: «оговорить, осудить, опорочить»* [24, вып. 12, с. 102; 25, вып. 16, с. 21].

Свою историю имеет выражение *обязательная любовь*, употребленное в следующем контексте: *Фрол Скобеев приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь* (с. 56). Судя по контексту, *обязательная любовь* – это «любовь, официально закрепленная и обязывающая к чему-либо» [25, вып. 16, с. 149]. Выражение употреблялось и позднее в значении «неромантическая, без страсти; по обязанности, по чувству долга», например трижды упоминается в повести Н.Г. Помяловского «Молотов» (1861) [14].

В тексте имеются составные наименования с предметным значением, например: *И пошли все девицы в пировой покой* (с. 57). Словосочетание *пировой покой* имеет значение «столовая палата» [24, вып. 16, с. 165]; *пировой* – «относящийся к пиру, предназначенный для пира» (Там же, вып. 15, с. 49). Возможно, это авторский окказионализм, в словарях *пировой покой* не зафиксировано, поскольку более употребительны были *столовая* или *столовая палата*.

Приведем еще обороты разговорного характера, например: *иметь покой* «успокоиться, уснуть» (с. 57), *в сильном пьянстве – весьма пьян – жестоко пьян* (с. 59), *разсуждая к склонению милости* «угговорить о проявлении милости, просить о милости» (с. 61). Такие обороты могли появиться в устной речи самостоятельно или под влиянием письменного языка.

Разговорными являются и некоторые особенности управления: *Долгое время и не видит дочери своей,*

и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» (с. 59); Столник... спрашивал дочери своей Аннушки (Там же). Смысл данных словосочетаний следующий: *спросил сестры* – «спросил у сестры»; *спрашивал дочери* – «спрашивал о дочери». Подобные модели управления зафиксированы словарем [24, вып. 27, с. 91]. Другой оборот этого же уровня *подарил мамку двумя рублями* (с. 55) «одарил, награбил кого-л.» (Там же, вып. 15, с. 217).

Оценим словосочетание *сел в козлы* вместо *сел на козлы* (с. 59). Предлог *в* означает нахождение, размещение внутри чего-либо, предлог *на* – нахождение, размещение поверх чего-либо. Создается впечатление, что автор не затрудняет себя соблюдением норм управления, а просто фиксирует вольный рассказ повествователя.

Факты смешения прямой и косвенной речи также подтверждают мысль о подражании автором языку устного рассказа: *И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему* (с. 58); *Сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпроси корету* (с. 59).

Иногда автор семантически сближает близкие по звучанию обороты, например: *твоей к нам услуги много* (с. 55); *моей заслуги к вам никакой не находится* (с. 56). Подобные сближения возможны в устной речи, узус которой был свободен от жестких правил лексической сочетаемости.

У автора Повести есть свои речевые пристрастия, он часто употребляет наречие *весьма* в значении «очень, много, значительно, гораздо», выражая таким образом высокую степень проявления действия, качества и т.п. По всей видимости, слово привлекало автора окраской учености, книжности, образованности. См. примеры: *о том весьма стала думать; весьма о том сокрушалась; весьма великой милости при царе находится* (с. 56); *весьма к нему добрь* (с. 60); *весьма в печали великой пребывала* (с. 56). Словарь указывает, что *весьма* – сравнительно новое словоупотребление, ранее в этих значениях употреблялись наречия *вельми, зело, очень, крайне, гораздо* [23, вып. 2, с. 137]. Позже к *весьма* добавляется наречие *очень* [25, вып. 14, с. 119].

Для усиления степени интенсивности действия автор добавляет к *весьма* наречие *жестоко* «сильно»: *Того кучера поил весьма пьяна; Напоя ево весьма жестоко* (с. 59); *кучер лежит в корете жестоко пьян; Аннушка жестоко болна* (с. 62), *жестоко плакали* (с. 63).

В синтаксисе сложного предложения частотна конструкция с причинно-следственным значением, где связкой является союз *для того что* в значении «потому что»: *Отпущена к сестрице вашей в манастырь, для того что она прислала корету и возников* (с. 60); *Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяць, для того что ты присылала по нея корету* (Там же); *И умыслил Фроль Скобеевъ, чтоб итить к столнику Ловчикову и обьявить ему о том, для того что тот Ловчиков весьма к нему добрь* (с. 59–60). Подобная конструкция с придаточными цели или причины зафиксирована и словарями [24, вып. 4, с. 249; 9, вып. 5, с. 206–207], что свидетельствует о ее типичности для языка своего времени. Заметим, что факт фиксации слова или оборота в словаре еще не свидетельствует о литератур-

ном статусе такого элемента. В исторические словари включается весь речевой материал памятника. Установление стилистического качества такого элемента – это задача лексикологов, для решения которой необходимо иметь большой речевой материал из разных источников.

Выводы

«Повесть о Фроле Скобееве» – первое произведение русской литературы, написанное в жанре плутовской авантюрной повести. Специфике жанра соответствует композиция, речевые портреты персонажей, начиная с главного героя. Это первое литературное произведение, написанное средствами просторечия, без использования образных средств и территориальных диалектизмов. Авторская свобода в этом отношении вполне соответствует демократическому духу Петровской эпохи.

1. Композиционная основа «Повести о Фроле Скобееве – устный рассказ, для создания которого использовались преимущественно средства разговорной речи и некоторые элементы делового языка. Устный характер первоначального бытования произведения определил опору автора на московское просторечие и разговорный характер языка.

2. Фольклорная традиция в сочинении ощущается незначительно. Пословицы и поговорки, как и другие изобразительные средства народного юмора и сатиры, отсутствуют. Это простая, неукрашенная речь, т.е. «просторечие» в понимании писателей того времени. Статус главного героя (*поверенный по делам, ябеда*) определил употребление деловой лексики и фразеологии. Номенклатура делового языка имеет отношение в основном к речевой личности Фрола Скобеева.

3. Анализируемый текст не избежал влияния письменного языка: церковнославянские варианты некоторых лексем, употребление формул имущественного права, своеобразная перестройка фразеологических оборотов.

4. Речевая основа Повести – живая общерусская разговорная речь, а именно просторечные формы, слова и обороты, что естественно для ситуации бытового общения. Диалектизмы в тексте Повести не обнаружены.

5. Отметим лексико-фразеологические группы просторечного словаря, представленные в Повести: формулы устного речевого этикета; элементы функционально-семантических полей 'игры и развлечения', 'мыслительная деятельность', 'душевные переживания'.

6. К конституирующим свойствам просторечия XVIII века, использованного в Повести, относятся следующие: общерусское распространение, употребление чаще всего в устно-разговорной речи, оценочная семантика как отличительная стилистическая примета. Что касается отнесенности просторечия к уровням языка, это прежде всего лексико-фразеологические единицы, словосочетания, иногда – отдельные предложения и отдельные формы слова. В целом язык Повести разговорный: в нем используются исключительно общерусские слова и фразеологизмы просторечного характера.

Литература

1. Бегунов, Ю. К. «Повесть о Фроле Скобееве» и литературное движение первой четверти XVIII века / Ю. К. Бегунов // Сборник статей, посвященных памяти проф. Карло Вердиани. – Pisa, 1979. – С. 11–32.
2. Войлова, К. А. Судьба просторечия в русском языке / К. А. Войлова. – Москва : МПУ, 2000. – 304 с.
3. Генералова, Е. В. Лексика просторечного характера в русском языке конца XVI–XVII в. / Е. В. Генералова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 64. – С. 30–41.
4. Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694. Соч. Б. И. Куракина. 1727.
5. Грамотки XVII – начала XVIII века. – Москва : Наука, 1969. – 416 с.
6. Душечкина, Е. «Повесть о Фроле Скобееве». История текста и его восприятие в русской культуре / Е. Душечкина. – Санкт-Петербург : Издательство Юолюкка, 2018. – 127 с.
7. Душечкина, Е. «Повесть о Фроле Скобееве». Литературный и культурно-исторический аспекты изучения / Е. Душечкина. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2011. – 112 с.
8. Забелин, И. Е. Еще несколько слов о «Фроле Скобееве» / И. Е. Забелин // Отечественные записки. – 1853. – Май. Отд. V. – С. 107–108.
9. История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве, столничей дочери Нардина-Нашекина Аннушки // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Москва : Наука, 1988. – Кн. 1. – С. 55–64.
10. Князькова, Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века / Г. П. Князькова. – Ленинград : Наука, 1974. – 253 с.
11. Ломоносов, М. В. Собрание сочинений. Том 7. Труды по филологии / М. В. Ломоносов. – Москва : Издательство АН СССР, 1953. – 994 с.
12. Малышева, И. А. Глаголы с приставкой *pre-* в русском языке XVIII века: значение усиления действия / И. А. Малышева // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2019. – Вып. 2. – С. 29–43.
13. Малышева, И. А. Префиксальные образования в русском языке XVIII века (прилагательные с *пред-*) / И. А. Малышева // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2018. – Вып. 1. – С. 54–67.
14. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.12.2021). – Текст : электронный.
15. Обращение Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Москва : Художественная литература, 1988. – Кн. 2. – С. 454.
16. Панченко, А. М. Переводная и оригинальная новелла. Повесть о Фроле Скобееве / А. М. Панченко // История русской литературы в четырех томах. Том 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 369–384.
17. Панченко, А. М. Повесть о Фроле Скобееве / А. М. Панченко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Выпуск 3 (XVII в.). Часть 3. П-С. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – С. 209–212.
18. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Том XI, вып. 1. 1711 год. – Москва, 1962. – 616 с.
19. Покровская, В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве: (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) / В. Ф. Покровская // ТОДРЛ. – Ленинград, 1934. – Т. 2. – С. 249–297.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том IX. 1733–1736. – Санкт-Петербург, 1830. – 1016 с.
21. Пыпин, А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург, 1857. – 374 с.
22. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный : в 6 частях. – Санкт-Петербург, 1789–1794.
23. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – Санкт-Петербург : Наука, 2004–2020. – Вып. 1–9.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Российская академия наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – Москва, 1975–2020. – Вып. 1–32.
25. Словарь русского языка XVIII века / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019. – Вып. 1–22.
26. Сорокин, Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» / Ю. С. Сорокин // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – Москва ; Ленинград, 1949. – С. 95–160.
27. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893–1912. – Т. 1–3.
28. Судаков, Г. В. Когда сочинена «Повесть о Фроле Скобееве» (по данным языка) / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 74–78.
29. Судаков, Г. В. Письменные традиции в «Повести о Фроле Скобееве» / Г. В. Судаков // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Москва ; Северодвинск : Издательство МЦИТО, 2021. – Вып. 10. – С. 44–55.
30. Судаков, Г. В. Русское слово в динамическом и функциональном аспектах / Г. В. Судаков. – Вологда : ВоГУ, 2020. – 168 с.
31. Третьяковский, В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов... / В. К. Третьяковский. – Санкт-Петербург, 1735. – 25 с.
32. Улуханов, И. С. Славянизмы в русском языке. Глаголы с неполногласными приставками / И. С. Улуханов. – Москва : Наука, 2010. – 280 с.
33. Успенский, Б. А. Языковая программа позднего Третьяковского. Третьяковский и Шишков / Б. А. Успенский // Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. – Москва : Наука, 2008. – С. 170–218.
34. Феофан Прокопович. Первое учение отрокам / Феофан Прокопович. – Санкт-Петербург, 1723. – 114 с.

G.V. Sudakov

THE MOST ORIGINAL STORY IN PETER THE GREAT'S ERA

The article analyses the language of «The Tale of Frol Skobeev». The speech basis of the story is characterized and the professional status of the author is determined. It is proved that the story was created as an oral narrative by means of colloquial speech, which corresponds to the cultural and historical tradition of that time. At the beginning of the 18th century colloquial speech acted as a functional variant of the Russian national language.

History of the Russian language, functional language, colloquial speech, artistic speech, the speech image of the author.